Эволюция коррупционных практик и механизмов государственного противодействия в России IX–XVII вв.: историко-правовой анализ

Пантелеева Екатерина Валерьевна
кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры истории и культурологии, Санкт-Петербургский государственный морской технический университет, e.v.panteleeva@mail.ru,

Тарасов Александр Сергеевич
кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой международного морского права, Санкт-Петербургский государственный морской технический университет, tara_s1@rambler.ru

В статье рассматривается процесс трансформации коррупционных отношений в Российском государстве с момента его зарождения до конца XVII века. Авторы анализируют переход от легальных форм содержания аппарата управления (система кормлений) к криминализированным формам мздоимства и лихоимства. Особое внимание уделяется анализу Судебников 1497 и 1550 гг., а также Соборного уложения 1649 г. как ключевых этапов формирования антикоррупционного законодательства.

Ключевые слова: коррупция, история России, кормление, посул, лихоимство, мздоимство, приказная система, Судебник, Соборное уложение.

Изучение отечественной и зарубежной истории показывает, что коррупция, как один из важнейших элементов института теневой экономики, была присуща абсолютно всем общественно-экономическим формациям и формам государственного устройства во все периоды их развития. Существует известный исторический анекдот, согласно которому Н. М. Карамзина однажды попросили охарактеризовать происходящее в России одним словом. На это наш официальный историограф ответил: «Воруют» [1]. Также есть похожая история, связанная с именем Ивана Грозного, которую записал английский дипломат Джильс Флетчер в труде «О государстве Русском». Он описывал, как Иван Грозный, отдавая мастеру слитки для изготовления посуды, прямо заявил: «Русские мои все воры» [2]. Несмотря на анекдотичность, эти высказывания точно отражают реалии прошлого, где корыстные злоупотребления должностных лиц были системным фактором.

Теоретическим фундаментом понимания природы власти могут служить слова Ш. Монтескье: «...известно уже по опыту веков, что всякий человек, обладающий властью, склонен злоупотреблять ею, и он идет в этом направлении, пока не достигнет положенного ему предела» [3]. Можно согласиться с этим тезисом — проявления коррупции обнаруживаются практически во всех государствах с различными политическими режимами: в тоталитарных и демократических, от слаборазвитых до сверхдержав. Единственное, что отличает эти государства, — это уровень развития системы противодействия подобным правонарушениям.

Целью данной статьи является исследование генезиса коррупционных явлений и попыток государства на этапе своего становления установить тот самый «предел» власти, о котором писал Монтескье.

Феномен коррупции в российском историческом контексте представляет собой сложный процесс трансформации традиционных обычаев материального обеспечения аппарата управления в системные правонарушения, подрывающие авторитет государственной власти. Период с IX по XVII вв. охватывает ключевые этапы становления государственности: от раннефеодальных княжеств и системы кормлений до формирования разветвленной приказной бюрократии Московского царства. Исследование данного вопроса требует глубокого анализа перехода от легальных форм «кормления», то есть от должностных полномочий к криминализированным деяниям, таким как мздоимство и лихоимство, зафиксированным в первых памятниках русского права. В данной работе рассматриваются механизмы подкупа, социальный состав участников коррупционных сделок и динамика ужесточения наказаний на основе сохранившихся законодательных актов и летописных свидетельств.

В ранний период развития Древнерусского государства коррупция в ее современном понимании отсутствовала. Это было связано с недостаточной сформированностью властных институтов, отсутствием четкого разделения между публичными финансами и личным имуществом правителя. Так, в условиях отсутствия регулярного денежного жалованья для административного аппарата основой взаимодействия между властью и населением стала система «кормления», которая фактически являлась легализованной формой существования должностных лиц за счет управляемых ими территорий. Система кормления возникла в IX–X вв. как наиболее приемлемый для того времени способ содержания государственного аппарата в условиях отсутствия развитого денежного обращения и централизованной налоговой системы. Князь посылал своих представителей (посадников, волостелей, тиунов) на подвластные ему террито-

рии для осуществления административных, судебных и фискальных функций. Эти лица не получали жалованья из казны, а содержались за счет местного населения — «кормились» от своих должностных полномочий. По существу, это была первая легальная форма материального обеспечения власти, которая, однако, заложила фундамент для будущих злоупотреблений.

Первым задокументированным механизмом ограничения материальных притязаний должностных лиц можно считать «Покон вирный» (ок. 1020-х гг.), вошедший в состав Краткой редакции «Русской Правды» [4]. Данный устав Ярослава Мудрого четко регламентировал нормы натуральных сборов для вирника (сборщика судебных штрафов) и его свиты на время их пребывания в общине, включающего в себя солод, мясо, рыбу, сыры, а также их денежное содержание.

Эти нормы фактически были первым «антикоррупционным» регламентом, призванным предотвратить разорение общин чрезмерными запросами княжеских слуг. Установление фиксированного списка продуктов ставило преграду на пути открытого вымогательства сверх положенного «закона». Следует отметить, что в последующей редакции Русской Правды – Пространной, подобная регламентация сохраняется и даже становится более определенной, что свидетельствует о том, что государство продолжает бороться со злоупотреблением властью [5]. Именно в Пространной редакции Русской правды мы впервые встречаем термин «корм», который используется для обозначения вознаграждения, поступающего от населения чиновнику (в данном случае вирнику) за исполнение административно-судебных должностей на княжеской службе [6]. В Уставе Владимира Мономаха запрещалось превращать в раба человека, взявшего в долг еду (хлеб), что косвенно ограничивало возможности чиновников использовать экономическую зависимость населения в корыстных целях [7].

Важно подчеркнуть, что кормление изначально не воспринималось как преступление; напротив, оно было формой государственной службы и одновременно вознаграждением за нее. Конфликты между сторонами в домонгольский период были относительно редки, так как даты прибытия сборщиков корма обычно были известны заранее. Однако отсутствие жесткой регламентации создавало почву для произвола. С течением времени термин «кормление» стал синонимом управления, означая обеспечение высшей знати доходами от подвластных территорий. Именно здесь закладывались первые зачатки коррупционной составляющей: отсутствие контроля над мерой изымаемого ресурса позволяло наместникам обогащаться сверх меры, что в дальнейшем потребовало законодательного вмешательства.

К XIV в. система кормлений стала приобретать негативную окраску. Наместники и их помощники стремились максимизировать свои доходы, что приводило к конфликтам с местными общинами. Отсутствие государственного контроля над мерой изымаемого ресурса превратило кормление в «золотую жилу» для знати, сформировав психологию чиновника как лица, имеющего право на личное обогащение от занимаемой должности.

Весьма интересным фактом в истории антикоррупционной политики русского государства является то, что в церковном праве, раньше, чем в светских Судебниках, начинается борьба со взятками. Одним из наиболее ранних подобных документальных свидетельств являются материалы Владимирского собора епископов, созванного митрополитом Кириллом II в 1274 г. Хотя светское законодательство того времени еще не знало четкого термина «взятка», церковные иерархи уже тогда столкнулись с системным кризисом, известным как симония — продажа церковных должностей и священного сана. Митрополит Кирилл в своем обращении к собору подчеркивал, что благодать Святого Духа не может быть предметом торговли, и называл это явление «недугом», поразившим самый корень церковного института. В качестве взятки упоминались не только деньги, но и различные материальные подношения, которые маскировались под терминами «дары» или фиксированные «уроки» (платы) при посвящении. Согласно правилам 1274 г. и каноническому праву (Кормчей книге), за доказанный факт симонии полагались следующие санкции: немедленное «извержение из сана» (лишение всех чинов и прав) без возможности восстановления, а для высших иерархов церковное осуждение, отстранение от кафедры и предание анафеме. Также собор провозгласил, что священство, полученное за деньги, является недействительным, а совершенные таким священником таинства не имеют силы [8].

К концу XIV в. социально-экономические изменения, процесс централизации земель вокруг Москвы, формирование единой системы государственного управления, привели к необходимости фиксации норм, ограничивающих произвол местных властей. В этот период в правовой лексикон прочно входит термин «посул», который первоначально означал обещание или плату за осуществление властных полномочий. Эволюция этого понятия отражает стремление центральной власти ограничить произвол на местах [9].

Первое упоминание посула содержится в Двинской уставной грамоте (1397–1398 гг.). В ней посул рассматривается в контексте «самосуда» — ситуации, когда потерпевший, поймав вора с поличным, брал с него плату («посул собе возмет») вместо обращения к официальному суду наместника. Таким образом, на этом этапе государство боролось не со взяточничеством чиновников, а с попытками населения лишить чиновников их законного дохода [10].

Однако уже в Псковской судной грамоте (1397 г.) акценты смещаются. Статья 4 прямо запрещала князю и посаднику принимать «тайные посулы», призывая судить «в правду» по крестному целованию [11], а статья 48 предусматривала ответственность за вымогательство взяток. Здесь же появилось понятие «неправильно взятое вознаграждение», которое насильно бралось должностным лицом у истца и такое деяние приравнивалось к грабежу [12]. Интересно, что санкцией за нарушение этой нормы выступало не физическое наказание, а угроза божественной кары на Страшном суде. Это свидетельствовало о том, что на ранних этапах этические и религиозные регуляторы считались более эффективными, чем правовые. Псковская судная грамота является уникальным свидетельством того, что власть начала осознавать опасность взяточничества не только для казны, но и для общественной морали [13].

Новгородская судная грамота 1471 г. ввела системные ограничения для борьбы с должностными злоупотреблениями, установив прямой запрет на получение «тайных посулов» (взяток) и строго регламентировав размер законных судебных пошлин. Для предотвращения вымогательства через преднамеренное затягивание дел («волокиту») документ ограничил срок судебного разбирательства одним месяцем. За попытку силового или материального давления на суд («наводку») предусматривались высокие штрафы, размер которых зависел от социального статуса виновного: 50 рублей с боярина, 20 рублей с «житьего» человека и 10 рублей с «молодшего». В качестве исключительной меры за уклонение от правосудия и сокрытие от приставов полагалось наказание «всем Великим Новымгородом», что на практике означало конфискацию имущества и изгнание из города [14].

В начале XV в. великие князья московские предприняли попытку отрегулировать доходы должностных лиц путем выдачи особых «кормленных» или уставных грамот. Эти акты должны были четко определить, какой объем ресурсов наместник имеет право требовать с волости. Постепенно натуральный оборот кормов начал заменяться денежным эквивалентом, что было связано с прогрессирующей централизацией и развитием товарно-денежных отношений в конце XV — начале XVI в. Тем не менее, системная проблема оставалась: должностные лица по-прежнему не получали регулярного государственного жалованья, оставаясь на содержании у населения, что делало грань между «законным кормом» и «незаконным посулом» крайне тонкой.

Эпоха Ивана III ознаменовалась созданием первого общерусского Судебника, который заложил основы централизованного правосудия. В этом документе борьба с корыстью в судах становится общегосударственной задачей. В самой первой статье Судебника (1497 г.) Иван III определил, что взятка это преступление: «…Судьям запрещается брать за производство суда и ходатайств взятки, а также решать дело несправедливо из-за мести или дружбы со стороной». Статьи 33 и 34 Судебника 1497 г. вводили строгий запрет для недельщиков (судебных исполнителей) брать посулы как для себя, так и для судей. Статья 67 расширяла этот запрет на все города и волости, подчеркивая недопустимость дачи ложных показаний («послушества») за вознаграждение. Этот запрет свидетельствовал о стремлении великокняжеской власти ограничить бесчисленные проявления корысти в судах, которые подрывали доверие населения к центральной власти, однако за пределами судебной системы взяточничество воевод и наместников все еще оставалось в «серой зоне», так как система кормлений продолжала существовать, и грань между «почестью» и «взяткой» была размыта [15].

В середине XVI в. в России произошла глубокая трансформация государственного аппарата: переход от дворцово-вотчинной системы к приказной бюрократии. Это потребовало новой правовой базы, которой стал Судебник 1550 г.

Судебник 1550 г. (так называемый «Царский») впервые детально прописал наказания для бояр и дьяков за коррупционные действия. Закон дифференцировал систему ответственности в зависимости от умысла и статуса нарушителя, а также разделил правонарушения на несколько категорий:

- Ошибка без умысла («бесхитростно»): если судья (боярин, дьяк) обвинил кого-то не по суду, но без корыстного умысла, наказание в виде «пени» не применялось, однако дело подлежало пересмотру, а взятые пошлины — возврату.
- Умышленное неправосудие за взятку: при доказанном получении посула виновный (боярин, дьяк) обязан был возместить истцу сумму иска в двойном размере, уплатить все пошлины, а также понести наказание по усмотрению государя («в пене что государь укажет»).
- Злоупотребления низшего звена: дьяки, совершившие подлог в документах ради взятки, наказывались тюремным заключением. Подьячие же, совершившие подобное деяние без ведома дьяка, подвергались «торговой казни» — публичному битью кнутом.

Анализ данных норм показывает, что государство видело наибольшую опасность в деятельности низшего и среднего звена чиновничества (дьяков и подьячих), которые непосредственно вели делопроизводство. Если боярин рисковал преимущественно имуществом и репутацией, то подьячих подвергали жестоким телесным наказаниям («бита кнутьем»). Это подчеркивает социальное неравенство перед законом, где физическая неприкосновенность высшей аристократии сохранялась даже при доказанных фактах коррупции [16].

Именно в правление Ивана IV борьба с коррупцией приобрела показательно-жестокий характер. В хрониках сохранилась информация о казни дьяка в 1556 г., который принял «слишком большой посул» в виде гуся, начиненного золотыми монетами. По легенде, Иван Грозный приказал палачам на глазах у народа последовательно отрубать дьяку конечности, издевательски спрашивая, вкусно ли гусиное мясо, прежде чем лихоимцу отрубили голову. Этот случай демонстрирует, что к середине XVI в. взяточничество официально перешло в разряд уголовных преступлений, караемых смертью. Французский дипломат Арнольд Шемо в 1558 г. писал, что страна радикально изменилась под влиянием «страха смерти», который царь внушил аппарату управления, так, например, ежедневные публичные казни на городских площадях, где взяточников буквально «разрубали на куски» на глазах у народа способствовали развитию этого страха. По словам дипломата, французские купцы оказались в растерянности и «не знали, как теперь вести дела», поскольку традиционные механизмы подкупа перестали работать. Шемо отмечал удивительный для того времени факт, что даже знатные женщины («княжны») перестали принимать подношения, опасаясь обвинений в мздоимстве.[17]. И тем не менее, искоренить коррупцию не удалось. За 37 лет правления Иван публично казнил с особой жестокостью более 8 тысяч чиновников, бояр, что составляло примерно 34 % от общего числа государственных служащих того времени [18].

В 1556 г. Иван IV официально отменил систему кормлений, что стало важнейшим шагом в борьбе с институциональной коррупцией. Деньги, которые ранее население выплачивало напрямую наместникам, теперь взимались государством в качестве общего налога. Из этого централизованного фонда планировалось выплачивать денежное жалованье («помогу») служилым людям.

Однако эта реформа не смогла мгновенно искоренить традицию жить за счет подданных. Государственная казна часто была пуста, и чиновники на местах продолжали требовать «поносы» и «почести» от челобитчиков, оправдывая это необходимостью восполнения расходов на службу. Тем не менее, юридическая база кормлений была разрушена, и любая плата должностному лицу сверх установленных пошлин теперь официально считалась преступлением.

Значительное увеличение количества приказов к XVII в. привело к созданию разветвленной, но крайне коррумпированной бюрократии. По расчетам В. О. Ключевского, функционировало до 15 военных приказов, 10 хозяйственных и 13 дворцовых, причем их компетенции часто пересекались, создавая условия для «волокиты»[19]. Приказная система была громоздкой и непрозрачной. Отсутствие четких регламентов и сроков рассмотрения дел создавало идеальные условия для волокиты. Подьячие и дьяки, обладавшие навыками делового письма и знанием архивов, становились фактическими хозяевами положения. Коррупция в этот период приобрела следующие формы:
-- почесть: подарок, предлагаемый челобитчиком заранее для того, чтобы должностное лицо вообще приняло дело к рассмотрению, считалась относительно законной формой «вежливости»;

- мздоимство: получение платы за совершение законных действий (например, за ускорение выдачи справки или земельного акта);

- лихоимство: вымогательство или получение взятки за заведомо незаконное решение [20].

Социальный состав тех, кто был вынужден прибегать к подкупу для продвижения своих челобитных, охватывал практически все слои населения, так, например, посадские люди и крестьяне давали взятки для защиты от произвола воевод или в земельных спорах; купцы и гости стремились получить торговые привилегии или освобождение от пошлин, а служилое население подавало челобитные о выплате жалования или продвижения по службе.

Интерес представляет также следующий факт: царь, рассматривая дела, касающиеся злоупотребления воеводами своих полномочий, в первую очередь выяснял каким образом была получена взятка: путем вымогательства или подношения, и если подношения были исключительно добровольными, то правительство расценивало действия воеводы как абсолютно законные [21]. Известны случаи массового вымогательства. Например, начальник Земского приказа Леонтий Плещеев создал целый штат лжесвидетелей, которые оговаривали богатых людей, после чего те арестовывались и освобождались только за огромные взятки.

Принятие Соборного уложения 1649 г. при Алексее Михайловиче стало попыткой государства систематизировать борьбу с «лихоимством» во всех сферах управления и, окончательно криминализировав коррупцию, установить за нее суровые наказания. Глава X Уложения устанавливала ответственность не только для столичных чиновников, но и для воевод и приказных людей во всех городах. Наказания, предусмотренные за взяточничество, включали в себя смертную казнь, членовредительство (имело целью не только причинить боль, но и «пометить»

преступника, чтобы он был узнаваем в массах), болезненные наказания (публичное битье кнутом, которое могло длиться до трех дней), тюремное заключение (сроки варьировались от трех дней до пожизненного) и имущественные санкции.

Несмотря на суровость предусмотренных мер, в Соборном уложении отсутствовало четкое определение понятий мздоимства и лихоимства, что оставляло почву для расплывчатых трактовок в судах. Наказание могло варьироваться от денежного штрафа до каторжных работ в зависимости от статуса обвиняемого и его связей при дворе. Тем не менее, Соборное уложение зафиксировало важнейший правовой принцип: государственная служба не должна быть источником частного обогащения.

Несмотря на жесточайшие репрессии, коррупция в России не исчезала. Одной из главных причин этого была низкая материальная обеспеченность чиновников среднего и мелкого звена. После отмены кормлений в 1556 году государство обязалось платить «помогу» (жалованье), однако казна часто была пуста. Подьячие и дьяки, не получая жалованья месяцами, рассматривали «посул» как единственный способ выживания.

Для борьбы со злоупотреблениями на местах был создан Челобитный приказ, который выполнял функции распределительного и контрольного органа. Он служил своего рода посредником между государем и подданными, позволяя царю получать информацию о деятельности воевод и приказных людей напрямую. По челобитным, поданным в этот приказ, возбуждались судебные дела, что теоретически должно было сдерживать коррупцию. Однако на практике сам Челобитный приказ часто оказывался вовлечен в коррупционные схемы, так как его служащие также нуждались в содержании

Кроме того, прогрессирующая централизация привела к тому, что придворные органы начали управлять огромными территориями из Москвы. Дистанция между царем и подданными, непрозрачность процедур и отсутствие четких регламентов работы приказов создавали идеальную среду для вымогательства и волокиты.

Заключение

Анализ периода IX–XVII вв. позволяет сделать вывод, что коррупция в России прошла путь от легитимного социального института (кормления) до тяжкого уголовного преступления (лихоимства) и была не просто набором случайных правонарушений, а следствием институциональной слабости государственного аппарата. Эволюция норм законодательства — от увещеваний Псковской грамоты до репрессивных мер Соборного уложения — свидетельствует о постоянном поиске государством того самого «предела» власти, о котором писал Монтескье.

Основные этапы борьбы с этим явлением связаны с судебниками 1497 и 1550 гг., а также Соборным уложением 1649 г., которые последовательно расширяли круг наказуемых деяний и ужесточали санкции. К концу XVII в. государство осознало необходимость перехода от простых запретов к созданию регулярной службы с фиксированным жалованьем, что нашло отражение в реформах Петра I. Однако опыт исследуемого периода показал, что одни лишь карательные меры, включая смертную казнь и членовредительство, не способны искоренить корыстные злоупотребления без изменения самой системы государственного управления. Традиция «жить за счет должности», заложенная веками кормления, оказалась сильнее страха перед кнутом и плахой. Эта институциональная проблема стала тем историческим наследием, которое перешло к имперской России Петра I, вынудив его в 1714 г. издать знаменитый указ «О воспрещении взяток и посулов», окончательно ознаменовавший переход к регулярному чиновничьему аппарату.

Литература

1. Флетчер Д. О государстве русском. – СПб: изд-во А.С.Суворина, 1906. – С.24-25.
2. Вяземский П.А. Старая записная книжка. – М.: Захаров, 2003. – С.138.
3. Монтескье Ш. Избранные произведения. – М.: Госполитиздат, 1955. – С.289.
4. Правда Русская /Под общ. ред. Б. Д. Грекова. – Москва; Ленинград: изд-во Акад. наук СССР, 1940. – С. 16.
5. Правда Русская /Под общ. ред. Б. Д. Грекова. – Москва; Ленинград: изд-во Акад. наук СССР, 1940. – С. 27.
6. Свердлов М.Б. Становление феодализма в славянских странах. – СПб: изд-во «Дмитрий Буланин», 1997. – С.183.
7. Правда Русская /Под общ. ред. Б. Д. Грекова. – Москва; Ленинград: изд-во Акад. наук СССР, 1940. – С. 27.
8. Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. Т.6: Памятники древнерусского канонического права: Ч.1: (Памятники XI-XV в.) / Под ред. А. С. Павлова. – СПб.: Типография М.А.Александрова, 1908. – С.86.
9. Касьянов В. С. Исторические аспекты противодействия коррупции в России // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2012. №2. – С.179.
10. Н.М.Карамзин. Примечания к истории государства российского. Т.IV. – СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1852. – С.157-159.
11. Памятники русского права/ Под ред. С.В.Юшкова. – М.: государственное изд-во юридической литературы, 1953. – С. 286.
12. Памятники русского права/ Под ред. С.В.Юшкова. – М.: государственное изд-во юридической литературы, 1953. – С. 292.
13. Кирилленко В.П., Дронов Р.В. Коррупция и государство. «Черная дыра» экономики России. СПб.: изд-во Политехнического университета, 2012. – С.14-29.
14. Памятники русского права/ Под ред. С.В.Юшкова. – М.: государственное изд-во юридической литературы, 1953. – С. 223
15. Хрестоматия по истории государства и права СССР. Дооктябрьский период/ Под.ред.Ю.П.Титова, О.И.Чистякова. – М.: Юридическая литература, 1990. – С.44-55.
16. Судебники XV-XVI веков/ Под общ. ред. Б. Д. Грекова. – Ленинград: изд-во Акад. наук СССР, 1952. – С. 141-177.
17. Кирпичников, А. И. Российская коррупция. СПб: Юридический центр Пресс, 2004. — С. 11.
18. Брыксина И.И. История решения коррупционного вопроса лидерами Российского государства// Электронный научный журнал «ГосРег». 2018. № 4.
19. Ключевский В. О. Курс русской истории. — М.: Соцэкгиз, 1937. – Ч.3. Лекция XXXVIII.
20. Тихомиров М.Н., Епифанов П.П. Соборное уложение 1649 года. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1961. – С.84.
21. Бычкова С.Б. Государственно-правовые меры противодействия взяточничеству в России (XV - начало XX вв.). Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Нижний Новгород – 2015.

The evolution of corruption practices and mechanisms of state counteraction in Russia from the 9th to the 17th centuries: a historical and legal analysis

Panteleeva E.V., Tarasov A.S.

Saint Petersburg State Marine Technical University

The article examines the process of transformation of corruption-related relations in the Russian state from the moment of its emergence to the end of the 17th century. The authors analyze the transition from legal forms of maintaining the administrative apparatus, such as the kormlenie system, to criminalized forms of bribery and extortion. Special attention is given to the analysis of the Law Codes of 1497 and 1550, as well as the Council Code of 1649, as key stages in the formation of anti-corruption legislation.

Keywords: corruption, history of Russia, *kormlenie* system, *posul*, extortion, bribery, administrative office system, Law Code, Council Code.

References

1. Fletcher, D. On the Russian State. St. Petersburg: A.S. Suvorin Publishing House, 1906, pp. 24-25.
2. Vyazemsky, P.A. An Old Notebook. Moscow: Zakharov, 2003, p. 138.
3. Montesquieu, Ch. Selected Works. Moscow: Gospolitizdat, 1955, p. 289.
4. Russian Truth /Edited by B.D. Grekov. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences Publishing House, 1940, p. 16.
5. Russian Truth /Edited by B.D. Grekov. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences Publishing House, 1940, p. Sciences of the USSR, 1940. – P. 27.
6. Sverdlov M.B. The formation of feudalism in Slavic countries. – St. Petersburg: publishing house “Dmitry Bulanin”, 1997. – P. 183.

7. Russian Truth /Under general. ed. B. D. Grekova. - Moscow; Leningrad: publishing house Acad. Sciences of the USSR, 1940. – P. 27.
8. Russian Historical Library, published by the Archaeographic Commission. T.6: Monuments of Old Russian canon law: Part 1: (Monuments of the XI-XV centuries) / Ed. A. S. Pavlova. – St. Petersburg: M.A. Alexandrov's printing house, 1908. – P.86.
9. Kasyanov V. S. Historical aspects of combating corruption in Russia // State and municipal administration. Scientific notes. 2012. No. 2. – P. 179.
10. N. M. Karamzin. Notes on the history of the Russian state. Vol. IV. – St. Petersburg: Printing house of the Imperial Academy of Sciences, 1852. – Pp. 157-159.
11. Monuments of Russian law / Ed. S. V. Yushkov. – Moscow: State Publishing House of Legal Literature, 1953. – P. 286.
12. Monuments of Russian law / Ed. S. V. Yushkov. – Moscow: State Publishing House of Legal Literature, 1953. – P. 292.
13. Kirillenko V. P., Dronov R. V. Corruption and the State. "The Black Hole" of the Russian Economy. St. Petersburg: Publishing House of the Polytechnic University, 2012. – pp. 14-29.
14. Monuments of Russian Law / Ed. S. V. Yushkov. – Moscow: State Publishing House of Legal Literature, 1953. – p. 223
15. Reader on the History of the State and Law of the USSR. Pre-October Period / Ed. Yu. P. Titov, O. I. Chistyakov. – Moscow: Legal Literature, 1990. – pp. 44-55.
16. Codes of Law of the 15th-16th Centuries / General editor B. D. Grekov. – Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1952. – pp. 141-177.
17. Kirpichnikov, A. I. Russian Corruption. St. Petersburg: Yuridichesky tsentr Press, 2004. — P. 11.
18. Bryksina I.I. History of the solution of the corruption issue by the leaders of the Russian state// Electronic scientific journal "GosReg". 2018. No. 4.
19. Klyuchevsky V.O. Course of Russian history. — Moscow: Sotsekgiz, 1937. — Part 3. Lecture XXXVIII.
20. Tikhomirov M.N., Epifanov P.P. Cathedral Code of 1649. — Moscow: Publishing house of Moscow University, 1961. — P. 84.
21. Bychkova S.B. State and legal measures to combat bribery in Russia (15th - early 20th centuries). Dissertation for the degree of Candidate of Laws. Nizhny Novgorod – 2015.